

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВИЗАНТИНИСТОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
Центр истории Византии и восточнохристианской культуры

РОССИЙСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

Традиции и перспективы

Тезисы докладов XIX Всероссийской
научной сессии византинистов

Москва 27–29 января 2011 года

Издательство Московского университета 2011

получается, что аббревиатуру Ϟ можно расшифровывать как « $\text{π}[\lambda\iota\varsigma] \text{Χερσῶν}[\omicron\varsigma]$ ».

Мы не разделяем точку зрения Г.К.Э. Кёллера и его последователей, считаем излишне осторожными допущения В.А. Анохина и решительно отвергаем гипотезу Н.А. Алексеенко. Мы не можем согласиться с его бездоказательным утверждением, что «в состав монограммы входят... гласные — I, Y, E, Ω и O»¹⁸. Ведь, если «I» с известным допущением можно обнаружить в любой вертикальной составляющей монограммы, то символ «Y» в ней определенно отсутствует: его размещали в верхней части лигатуры. Далее, мы не нашли «A», уверенно выделяемую Н.А. Алексеенко в составе «X». Проблема даже не в том, что, как верно заметил исследователь, «внешний вид такой «альфы» несколько необычен для эпиграфики ранневизантийского периода»¹⁹. У нас нет никаких оснований выделять левую составляющую «C» в отдельную букву. Ведь, как хорошо видно при внимательном анализе монограммы, ее восходящая линия и вертикальная составляющая «P» пересекаются не у основания последней, как стоило бы ожидать, если бы мастер хотел разместить в лигатуре «A», а над определенно читаемой «Ω». Кроме того, как справедливо заметил Н.А. Алексеенко, в Ϟ отсутствует «H». Правда, пересечение вертикальной линии «E» и «Г» с горизонтальной составляющей «П» можно принять за «T», но даже ее присутствие не дает нам никаких оснований видеть в Ϟ гипотетическое « $\text{πατὴρ τῆς πόλεως Χερσῶνος}$ ».

Таким образом, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы не только выработали подтверждение прочтению лигатуры Ϟ как « $\text{π}[\lambda\iota\varsigma] \text{Χερσῶν}[\omicron\varsigma]$ », но и, надеемся, убедительно опровергли гипотезу Н.А. Алексеенко, на основании которой ряд исследователей строят теории об особом статусе Херсона в раннем средневековье.

Л.М. Шмелева

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
(Казань)

Изучение и преподавание истории Византии в Казанском университете в кон. XIX — нач. XX вв.

Российское византиноведение занимало одно из ведущих мест в мировом византиноведении в кон. XIX — нач. XX вв. В кон. XIX — нач. XX вв. в Казанском университете преподавали профессора, внесшие

¹⁸ Алексеенко Н.А. Указ. соч. С. 82.

¹⁹ Там же.

свой вклад в его развитие — Д.Ф. Беляев (1846–1901), Д.В. Айналов (1862–1939), С.П. Шестаков (1864–1940), Д.П. Шестаков (1869–1938).

Предметом исследования Д.Ф. Беляева, преподававшего в университете греческую словесность, было изучение памятников византийского искусства. Главным трудом Д.Ф. Беляева является «Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям» в 3-х томах. Она содержит богатый археологический материал о прошлом Константинополя¹. Эта работа Д.Ф. Беляева оказала влияние на его ученика С.П. Шестакова, который также занимался изучением византийских источников.

Интересы С.П. Шестакова в области изучения византийских источников первоначально сосредотачивались вокруг изучения византийских хроник, где предметом его исследований стало выделение источников, использовавшихся хронистами для составления своих произведений².

Казанского византиниста интересовали и другие сюжеты в изучении византийской литературы. Весьма интересна в этом плане его статья «Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра»³. В последующее время С.П. Шестаков занимается изучением творчества ритор Либания⁴. Позднее Шестаков издает перевод произведений Либания⁵.

Кроме вопросов, связанных с изучением источников, С.П. Шестакова интересовали и проблемы собственно истории Византии⁶. Итогом ис-

¹Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. 1–3. СПб., 1891–1906.

²Шестаков С.П. О происхождении и составе хроники Георгия Монаха // Ученые записки Казанского университета. 1891. Кн. 2. Кн. 3. Кн. 5.; 1892. Кн. 1. Кн. 3; *он же*. Прибавление к статье «О значении славянского перевода Малалы» // ВВ. 1895. Т. II. С. 372–377; *он же*. Иоанн Ритор в церковной истории Евагрия // УЗКУ. 1890. Кн. V; *он же*. Кандид Исаврийский // Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Т. IV. Византийское отделение. Одесса, 1894. С. 124–149; *он же*. Парижская рукопись Симеона Логофета // ВВ. 1897. Т. IV. С. 167–183; *он же*. О рукописях Симеона Логофета // ВВ. 1898. Т. V. С. 19–62.

³Шестаков С.П. Византийский тип Домостроя и черты сходства его с Домостроем Сильвестра // ВВ. 1901. Т. VII. С. 38–63.

⁴Шестаков С.П. Письма-энкомии ритора Либания // Отдельный оттиск из сборника в честь Э.Р. фон Штерна. Одесса, 1911.

⁵Либаний. Речи / Пер., прим. и введ. С.П. Шестакова. Т. 1–2. Казань, 1914–1916.

⁶См. Шестаков С.П. К истолкованию херсонской надписи времен Зинова // ЖМ-НП. 1906. Ч. 2. С. 140–151; *он же*. К вопросу о месте крещения св. Владимира // ИОАИЭ. Т. XXII. Вып. 5. С. 319–339; *он же*. О начале христианства в Херсоне // Отдельный оттиск из Serta Boryshnenica. Сборник в честь Ю.А. Кулаковского. Киев, 1911; *он же*. Завещание общинного врача Фебаммона // ИОАИЭ. 1919. Т. XXX. Вып. 2. С. 151–165; *он же*. Визан-

следовательской деятельности ученого в области истории Византии стал его курс лекций. Сергей Петрович стал читать лекции по истории Византии с осени 1912 г. в Казанском университете и на Высших женских курсах⁷. Тогда же им была издана программа курса «История Византии». В 1915 г. им был издан первый том лекций по истории Византии⁸. Примерно в то же время С.П. Шестаковым было подготовлено еще два тома лекций, доведивших изложение до 1261 г., однако они так и не увидели свет⁹.

Заслуживает внимания небольшая работа Д.П. Шестакова «Три поэта византийского Ренессанса». В статье Д.П. Шестаков анализирует творчество трех византийских поэтов Николая Калликла, Феодора Продрома, Христофора Митиленского, приходя к выводу, что основными темами поэтов византийского Ренессанса были «воспевание материальных побед империи над врагами и мечты о духовной победе культуры над невежеством внутри империи»¹⁰.

В 1910 г. Д.П. Шестаков защищает магистерскую диссертацию на тему «Исследования в области греческих народных сказаний о святых», где приходит к выводу, что греческие народные сказания о святых зачастую представляют христианизированные предания языческого и международного прошлого¹¹. Это было одно из первых исследований такого рода в российской исторической науке, в которых бы жития святых подвергались такому осмыслению с целью выделения в них целого пласта языческих представлений и верований.

Известен своими трудами ученик выдающегося специалиста по византийскому искусству Н.П. Кондакова Д.В. Айналов, который в 1890–1903 гг. преподавал в Казанском университете теорию и историю изящных искусств. В исторической науке с именем Д.В. Айналова связан расцвет в изучении древнехристианского, византийского и древнерусского искусства. В казанский период деятельности Д.В. Айналовым были защищены магистерская и докторская диссертации. Темой магистерской были избраны мозаики IV и V вв., а в качестве докторской дис-

тийский посол на Руси Мануил Комнин // Отдельный отгиск из сборника статей, посвященных Д.А. Корсакову. 1913. 16 с.

⁷НА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 2173. Л. 171 об.

⁸Шестаков С.П. Лекции по истории Византии. Т. 1. Казань, 1915.

⁹См. Иванов Ю.А. Профессор С.П. Шестаков. К 40-летию ученой деятельности // ВВ. 1926. Т. 24. С. 94.

¹⁰Шестаков Д.П. Три поэта Византийского Ренессанса. Казань, 1906. С. 1–36.

¹¹Шестаков Д.П. Исследования в области греческих народных сказаний о святых // ВУИ. 1909. № 9. С. 1–24; 1910. № 1–7. С. 25–232; № 10. С. 233–268.

сертации ученым была представлена работа «Эллинистические основы византийского искусства». В ней Д.В. Айналов попытался доказать, что византийское искусство в основе своей — эллинистическое, изменившееся под влиянием восточных народных искусств.

В целом, в Казанском университете в кон. XIX — нач. XX вв. научные интересы ученых зависели от преподаваемых ими дисциплин. Поэтому большинство работ казанских ученых были посвящены истории культуры Византии и исследованию византийских источников. В то же время существовали проблемы организационного плана. В Казанском университете несмотря на все попытки С.П. Шестакова не удалось создать кафедру византиноведения, что не лучшим образом сказалось на развитии византиноведения в стенах университета и перспективах создания собственной византиноведческой школы.

Р.М. Шукуров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Церкви в цитаделях Испира и Байбурта: реликт гаремного христианства?

Недавние исследования показали, что в гаремах сельджукской элиты в XII–XIII вв. преобладали гречанки. Причем греческие дамы в гаремах пользовались религиозной свободой и исповедовали христианство. Письменные свидетельства о существовании христианской среды внутри гаремов находят важное подтверждение в сохранившихся материальных памятниках. До сих пор можно было считать доказанным наличие, по крайней мере, двух анатолийских дворцовых церквей, служивших в сельджукский период нуждам гаремных дам, а также, вероятно, других придворных христиан. Это несохранившаяся церковь св. Амфилохия в Конье, которая находилась на территории султанского дворца, а также существующая поныне церковь (современное название *Agar Evliyası*) в пределах цитадели Аланьи. В настоящем сообщении обсуждаются еще две церкви, находящиеся в городских цитаделях, в резиденциях местных мусульманских правителей: внутри крепостей Испира и Байбурта. Обе церкви имеют характерные признаки «трапезундской» храмовой архитектуры XIII–XV вв. Возведены они были в Испире и Байбурте, — городах, давно потерянных греками, — именно для нужд гаремов местных правителей, для их трапезундских жен. В сообщении делается попытка поместить эти храмы в известный на сегодня событийный контекст, предлагаются возможные даты их возведения.